

Галина Павловна обожает своих учеников и очень сильно за них переживает. Но, несмотря на столь нежную привязанность к студентам, Вишневецкая весьма строгий педагог.

— Там? Домработницы везде. Я звоню им, спрашиваю, как и что, какие дела. Еще в Москве у меня дача и квартира. Но я живу здесь.

— **В Центре?**

— Да. У меня тут квартира на 5-м этаже. Так что на работу я спускаюсь, а потом поднимаюсь домой. И все.

— **И со своим мужем, получается, не видите совсем?**

— Видимся, но редко. Вот сейчас 25-го ко мне на день рождения приезжал.

— **Один или со всей семьей?**

— Нет, один прилетал. А остальные по телефону поздравляли. Мой старший внук не смог приехать — мы с ним в один день родились. Мой Ванечка. Ему 21 год исполнился. А мне? Могу сказать — 78.

— **Вы ему что-то подарили?**

— Ваньке-то? Конечно. Я ему деньги даю, чтобы он купил себе то, что он хочет. Это лучше всего. А что покупать? Опять свитер? У него и так всего полно.

— **Дети вам часто звонят?**

— Звонят.

— **“Ой, я вот это купил, а вот это сделал”. Так?**

— Нет. Не так часто. Когда я приезжаю в Париж, мы все собираемся, дети приходят. У меня одна дочь живет тоже в Париже, другая в Нью-Йорке — далеко, с ней мы видимся не так часто. А та, которая в Париже, с четырьмя детьми часто у меня бывает. Перед отъездом в Москву Ваня заходил. Приехал из Германии, он там в университете учится.

— **Для вас день рождения вообще грустный праздник?**

— Нет, наоборот, веселый. Я его не жду, честно говоря, он для меня просто не существует. Я,

может быть, вообще о нем забыла бы, но он ведь приходит. А когда вспоминаю, что через два года мне будет 80... Вот вы на меня смотрите и думаете, наверное: бабушка сошла с ума.

— **Нет, я так не думаю. Недавно читала вашу автобиографическую книгу. Честно: над некоторыми моментами плакала. Очень откровенная. Для кого вы ее написали?**

— Не для русских людей. Если бы я писала ее здесь, то, наверное, сделала бы это по-другому. А я писала именно для тех, кто не знает России, не знает нашей жизни и не понимает, почему нас выбросили из страны. Ведь тогда никто ничего не понял. С чего? Кто? Выгнали? Враги народа? Я все растекалась по интервью. А в газетах знаете сами, как пишут: всегда нет места. А надо было объяснить, в какой системе это могло произойти и с кем. За этим потянулись большие личности, такие, как Прокофьев, Шостакович. Сталин, репрессии, расстрел командования перед войной — и получилась такая книга.

— **Вы не были против, что она вышла в России?**

— Нет. Абсолютно. Я бы ее еще и дописала. У меня есть что рассказать, но тогда в этот абсурд никто бы не поверил.

— **Вы и так многих хорошенько приложили. Ту же Образцову, которая, по вашей книге, написала на вас и Ростроповича донос.**

— Я просто рассказала правду. Но бог с ней. Я простила всех. Ей нужно мое прощение — пожалуйста, оно есть. А не нужно — живи так. Если можешь. Я бы попросила на ее месте. “Чтоб искупить смиренно и глубоко иудин грех до Страшного суда”. Помните, у Волошина в стихотворении “С Россией кончено”?

«По воле советской власти моя семья оказалась за границей. У моих двух дочерей мужья иностранцы. Мои шесть внуков родились и живут за границей. Тащить сюда семью, заставить их сюда приехать я не имею права. Пережив то, что я пережила. И рисковать своими внуками я не могу. Не имею права».